

ВѢСТНИКЪ Иностранной Литературы

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VI.

І Ю Л Ь.

1896 г.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

О подпискѣ на 144 тома слѣдующихъ писателей: **Эмиля Зола, Бальзама, Флобера, Жоржъ Занда, Диккенса, Вальтеръ Скотта, Бретъ Гарта, Марка Твена, Эдгара Поэ, Шпильгагена, Гофмана и Эберса.**

Американскій посланникъ при дворѣ Императора Николая I.	5 — 16
Длинная рука. Премированный детективный Разсказъ <i>Мери Вилькинсъ</i>	17 — 48
Все проходитъ. Новая новелла <i>Ф. Шпиллгена</i>	49 — 96
Бришанто актеръ. <i>Жюль Клареси</i> . Переводъ Ю. М. Загуляевой. (Продолженіе).	97 — 122
Сэръ Джорджъ Трессэди. Романъ <i>Гемфри Уордъ</i> . Перев. Ю. А. Говсѣева. (Продолженіе)	123 — 168
Аспазія. Романъ <i>Роберта Гамерлина</i> . Перев. А. Н. Федорова. (Продолженіе).	169 — 207
На мотивы изъ Фр. Нитче. Стихотвореніе <i>Н. Полилова</i>	208
Маленькая юмористика. Франкъ. Разсказъ <i>П. Шентана</i>	209 — 220
Новое о старомъ	221 — 230
Научныя новости.	231 — 235
Изъ заграничной хроники—общественной и литературной	236 — 264

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Римъ. Романъ <i>Эмиля Зола</i>	225 — 272
Трагическая идиллія. (Космополитскіе нравы). Романъ <i>Поля Бурже</i>	193 — 240

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ:

НОВОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ НАПОЛЕОНА I. Историческій трудъ проф. Слѣона. Томъ II.	177 — 192
--	-----------

Объявленія: 1) О подпискѣ на „Вѣстникъ Иностранной Литературы“ въ 1896 г.; 2) О продажѣ общедоступнаго изданія Собраніе сочиненій избранныхъ иностранныхъ писателей: а) Альфонса Додэ, въ 12-ти томахъ и б) Теккерея, въ 12-ти томахъ; 3) О подпискѣ на 2-е изданіе Собранія сочиненій Гюи де Мопасана, въ 12-ти томахъ; 4) А. Ралле и К^о—фабрика парфюмерныхъ издѣлій; 5) О подпискѣ на крышки Собранія сочиненій Ал. Додэ, В. Теккерея и Гюи де Мопасана; 6) Страхового Общества „Россія“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія бр. Пантелеевыхъ. Вереѣвская, 16.

1886.

ДЛИННАЯ РУКА.

Разсказъ Мери Вилькинсъ,

Премированный на конкурсѣ детективныхъ разсказовъ въ Нью-Йоркѣ *).

ГЛАВА I.

Трагедія.

(Изъ замѣтокъ Сары Фербенкъ по заключеніи предварительнаго слѣдствія).

Принимаясь за перо, я испытываю ощущеніе, словно нахожусь въ свидѣтельской комнатѣ, но я сама еще не знаю, покажу-ли себѣ въ пользу или во вредъ. Я не хочу добровольно сѣсть на скамью подсудимыхъ. Я не буду сама рѣшать вопроса ни о своей виновности, ни о своей невинности. Я изложу факты такъ безпристрастно и хладнокровно, какъ если

*) «Детективные» разсказы и романы имѣютъ своимъ сюжетомъ раскрытіе какого-нибудь загадочнаго преступленія и представляютъ очень распространенный въ Англіи и сѣверной Америкѣ типъ литературы. Не преслѣдуя какихъ-либо болѣе высокихъ задачъ, они имѣютъ цѣлью доставить читателю легкое и интересное развлеченіе, и большинство подвижащихся на этомъ поприщѣ авторовъ, пренебрегая остальными элементами художественнаго творчества, сосредоточиваютъ все свое вниманіе на изобрѣтеніи забавнаго (или ужаснаго), замысловатаго сюжета. Но нѣкоторые писатели, каковы Коненъ Дойль, Юліанъ Готорнъ, Брандеръ Маттюзъ, благодаря яркости своей фантазіи, мастерскому изложенію, а главное, выдержанности характеровъ и силѣ психологическаго анализа, сумѣли возвыситься до уровня художественныхъ произведеній и въ этомъ отношеніи приблизиться къ Эдгару Поэ, который оставилъ нѣсколько безсмертныхъ образцовъ детективныхъ разсказовъ. Недавно въ Нью-Йоркѣ синдикатомъ газетъ былъ устроенъ конкурсъ детективныхъ разсказовъ, и первая премія (4.000 рублей) выпала на долю предлагаемаго читателямъ разсказа Мери Вилькинсъ. Эта писательница, принадлежащая, по своему рожденію и воспитанію, къ пуританамъ Новой Англіи, уже давно стяжала себѣ въ Америкѣ извѣстность своими прекрасными разсказами, въ которыхъ она изобразила типическія черты своихъ соотечественниковъ: желѣзную, неуклонную настойчивость, способность къ безграничному самоотверженію, педантическую пунктуальность и добросовѣстность при узкомъ, ограниченномъ кругозорѣ,—черты, заимствованныя поселенцами Новой Англіи отъ ихъ предковъ—англійскихъ пуританъ. Успѣхъ предлагаемаго разсказа, мѣсто дѣйствія котораго также отнесено къ Новой Англіи, несомнѣнно обусловливается, кромѣ удачно задуманнаго сюжета, въ значительной мѣрѣ и колоритностью.

бы сама при этомъ ничѣмъ не рисковала. Пусть тѣ, кто прочитаетъ это, судятъ меня, какъ хотятъ.

Я вынуждена сдѣлать это, потому что я обречена на безконечно болѣе тяжкое наказаніе, нежели пожизненное тюремное заключеніе или каторжныя работы. Въмѣсто судей и присяжныхъ, я сама допрошу себя и, если это только возможно для человѣка, я докажу всѣмъ свою вину или невинность. Отчаяніе вынуждаетъ меня говорить, не заботясь о томъ, что этимъ будетъ доказано. Открытое осужденіе не можетъ быть для меня ужаснѣе, чѣмъ всеобщее подозрѣніе.

Прежде всего, какъ это, говорятъ, принято на судѣ, я доложу обстоятельства дѣла. Я—Сара Фербенксъ, сельская учительница, 29 лѣтъ отъ роду. Моя мать умерла, когда мнѣ было 23 года. Съ того времени двоюродный братъ моего отца, Руфусъ Беннеттъ, и его жена жили съ моимъ отцомъ, между тѣмъ какъ я служила въ Дигби. Во время длинныхъ лѣтнихъ каникулъ они возвращались на свою маленькую ферму въ Вермонтъ, а я хозяйничала у отца.

Въ теченіе пяти лѣтъ я была невѣстой Генри Эллиса, молодого человѣка, съ которымъ познакомилась въ Дигби. Отецъ мой сильно возставалъ противъ этого брака и не разъ говорилъ мнѣ, что если я при его жизни выйду за Генри замужъ, то онъ лишитъ меня наслѣдства. Вслѣдствіе этого Генри никогда не навѣщалъ меня въ домѣ отца. Хотя я и не могла принудить себя порвать отношенія съ Генри, все-таки я рѣшила избѣжать открытой ссоры съ отцомъ. Онъ былъ уже очень старъ, а я одна у него осталась изъ большой семьи.

Я держусь мнѣнія, что родители должны такъ же почитать своихъ дѣтей, какъ и дѣти своихъ родителей, но я пришла къ такому заключенію: въ девяти десятихъ всѣхъ случаевъ, когда дѣти вступаютъ въ бракъ противъ воли своихъ родителей, бракъ бываетъ несчастнымъ, даже если родители неправы.

Мнѣ иногда казалось, что я несправедлива по отношенію къ Генри, и я рѣшила, что если когда-нибудь замѣчу, что Генри обратилъ свою склонность на другую дѣвушку, то не буду этому препятствовать, тѣмъ болѣе, что я становилась старше и, какъ мнѣ казалось, теряла свою привлекательность.

Нѣсколько времени тому назадъ въ южномъ округѣ Дигби поселилась учительница, молоденькая и хорошенькая дѣвушка. Она столовалась въ одномъ домѣ съ Генри. До меня дошелъ слухъ, что онъ обратилъ на нее нѣкоторое вниманіе, и я рѣ-

пила не мѣшать имъ. Но сердце у меня разрывалось. Я слышала, что ея родители богаты и что она ихъ единственная дочь. Мнѣ всегда казалось, что Генри слѣдуетъ жениться на богатой, потому что у него самого ничего нѣтъ, и онъ не отличается крѣпкимъ здоровьемъ.

Пять недѣль тому назадъ учебный годъ кончился, и я поѣхала къ отцу на лѣтнія каникулы. Вечеромъ, наканунѣ моего отъѣзда, ко мнѣ пришелъ Генри и настаивалъ, чтобы я вышла за него замужъ. Я опять отказалась, но еще никогда мой отецъ не казался мнѣ такимъ жестокимъ и безжалостнымъ, какъ въ этотъ разъ. Генри сказалъ, что онъ непременно навѣститъ меня во время каникулъ, и когда я воспротивилась этому, онъ разсердился и сказалъ... но не стоитъ повторять этихъ глупыхъ словъ. Въ сущности, Генри чрезвычайно мягкаго характера и не способенъ обидѣть и мухи.

Въ тотъ самый вечеръ, когда я пріѣхала домой, Руфусъ Беннеттъ и мой отецъ сильно поспорили по поводу кленоваго сахара, который Руфусъ выдѣлывалъ на своей фермѣ и продавалъ отцу, очень выгодно сбывавшему его въ Бостонъ. Это было занятіе моего отца. Прежде у него былъ свой магазинъ, но онъ закрылъ его и теперь продавалъ оптомъ нѣкоторые продукты, на которыхъ могъ получать бѣольшую прибыль. Изъ Нью-Гемпшира и Вермонта онъ обыкновенно получалъ масло, яйца и сыръ. Дядя Руфусъ находилъ, что отецъ даетъ ему слишкомъ маленькій процентъ за его кленовый сахаръ, и во время этого спора отецъ вспылилъ и сказалъ, что Руфусъ обвѣшиваетъ его. Тогда Руфусъ сталъ страшно ругаться и схватилъ отца за горло. Жена Руфуса закричала:

— Ахъ, перестань, перестань, не убивай его!

Я подошла къ Руфусу и взяла его за руку.

— Руфусъ Беннеттъ,—сказала я,—оставьте моего отца!

Но у Руфуса глаза сверкали, какъ у сумасшедшаго, и онъ не слушалъ меня. Тогда я подошла къ ящику, въ которомъ отецъ держалъ пистолетъ съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько домовъ въ деревнѣ было обокрадено; я взяла пистолетъ, опять схватила Руфуса за руку и приложила дуло къ его виску.

— Оставьте моего отца,—сказала я,—или я выстрѣлю!

Тогда Руфусъ оставилъ его, и отецъ упалъ, какъ полѣно. Лицо его побагровѣло. Я и жена Руфуса очень долго возились, пока привели его въ чувство.

— Руфусъ Беннеттъ,—сказала я,—ступайте въ колодцу и принесите ведро воды.

Онъ принесъ, но когда отецъ пришелъ въ себя, посмотрѣлъ на него съ такимъ видомъ, который показывалъ, что Руфусъ еще не успокоился.

— Я еще съ тобою разсчитаюсь, Мартинъ Фербенксъ, хотя ты и старше меня!—закричалъ онъ и вышелъ въ другую комнату.

Мы тотчасъ уложили отца въ постель. Его спальная помещалась внизу, рядомъ съ гостиной. Руфусъ и его жена занимали комнату, выходившую окнами на сѣверъ, я—противоположную. Я оставила свою дверь открытой и не спала всю ночь напролетъ. Я внимательно прислушивалась, но въ домѣ никто не шевелился. Руфусъ и его жена встали очень рано утромъ и уѣхали въ Вермонтъ, когда еще не было девяти часовъ. Имъ предстояло быть въ пути цѣлый день и прибыть домой къ девяти часамъ вечера. Жена Руфуса со слезами простилась съ отцомъ, пока ея мужъ увязывалъ чемоданъ. Но Руфусъ не подходилъ ни къ отцу, ни ко мнѣ.

Въ тотъ самый день, часовъ въ семь вечера, послѣ чая, я перемыла и убрала посуду, вышла на крыльцо, на которомъ сидѣлъ отецъ, и усѣлась на нижней ступенькѣ. Тамъ продувалъ холодный вѣтерокъ, а цѣлый день было очень жарко.

— Интересно знать, видалась-ли ты въ послѣднее время съ этимъ Эллисомъ,—сказалъ вдругъ отецъ.

— Не особенно часто,—отвѣтила я.

— Былъ онъ у тебя въ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ?—продолжалъ онъ.

— Да, сэръ,—отвѣтила я,—былъ.

— Если ты еще разъ обмѣняешься съ нимъ хоть однимъ словомъ, пока я живу на свѣтѣ, я вышвырну тебя изъ дому, какъ собаку, хотя ты и дочь мнѣ!—сказалъ онъ.

При этомъ онъ произнесъ страшную клятву и призвалъ Бога въ свидѣтели.

Я ничего не сказала ему въ отвѣтъ. Я только посмотрѣла на него, не трогаясь съ мѣста. Отецъ поблѣднѣлъ, откинулся назадъ и поднесъ руку къ горлу, къ тому мѣсту, гдѣ Руфусъ сдавилъ его.

— Ты рада, небось, была бы, если бы онъ задушилъ меня!—воскликнулъ онъ.

— Я спасла вамъ жизнь,—отвѣтила я.

— Куда ты дѣвала пистолетъ?—спросилъ онъ.

— Я положила его обратно въ ящикъ.

Я встала, завернула за уголъ дома и сѣла на западномъ крыльцѣ. Пока я сидѣла тамъ, зазвонилъ колоколъ къ вечерней

молитвѣ, и мимо нашего дома прошли Феба Доль и Марія Вудсъ, двѣ старыя дѣвы, портнихи, наши ближайшія сосѣдки; онѣ шли на молитву. Феба остановилась и спросила, уѣхали ли Руфусъ съ женой. Марія завернула за уголъ дома. Черезъ минуту онѣ пошли дальше, а за ними прошло еще нѣсколько человекъ. Когда всѣ они скрылись изъ вида, вокругъ сдѣлалось тихо, какъ въ могилѣ.

Я сидѣла одна очень долго, пока не увидала по тѣни, что взошла полная луна. Тогда я удалилась въ свою комнату и легла спать.

Я очень долго не спала и все плакала. Мнѣ казалось, что для меня пропала всякая надежда выйти замужъ за Генри. Я не могла разсчитывать, что онъ будетъ ждать меня. Я думала о другой дѣвушкѣ; куда бы я ни смотрѣла, я видѣла ея хорошенькое лицо. Я плакала до тѣхъ поръ, пока не заснула.

Часовъ въ пять утра я проснулась и встала съ постели. Отецъ всегда завтракалъ въ шесть часовъ, и я должна была все приготовить.

Когда мы съ отцомъ бывали одни, онъ всегда самъ разводилъ на кухнѣ огонь, но въ это утро я не слышала его обычной возни и сказала себѣ, что онъ еще сердится и потому не хочетъ разводить огня.

Я направилась къ своему стѣнному шкафу за темно-синимъ ситцевымъ платьемъ, которое всегда носила во время домашней работы. Въ продолженіи всего учебнаго года я не вынимала его оттуда. Когда я снимала его съ крючка, меня поразилъ странный видъ того платья, въ которомъ я была наканунѣ. Это было тонкое фуляровое платье зеленого цвѣта съ бѣлыми колечками. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ сезоновъ оно было моимъ праздничнымъ платьемъ, но теперь я носила его въ жаркіе дни и дома, потому что не имѣла болѣе легкаго платья. Кромѣ того, я ожидала въ тотъ вечеръ, что Генри явится изъ Дигби и пройдетъ мимо нашего дома. Прошлымъ лѣтомъ онъ не разъ дѣлалъ такъ, и мнѣ хотѣлось быть понаряднѣй.

Когда я снимала ситцевое платье, я замѣтила на своемъ фулярѣ какое-то пятно. Я тотчасъ отбросила ситцевое платье въ сторону, схватила фуляровое и поднесла его къ окну. Весь его передъ былъ покрытъ пятнами — ужасными, огромными брызгами и полосами. Правый рукавъ тоже былъ запачканъ, и всѣ эти пятна еще были влажны.

— Что бы это могло быть? — сказала я.

Это было похоже на кровь. Я попробовала понюхать и

почувствовала отвратительный запахъ, но я не знала, такъ-ли пахнетъ кровь. Въ концѣ концовъ я рѣшила, что какъ-нибудь случайно запачкала вчера свое платье.

— Если это кровь,—сказала я себѣ,—то надо немедленно отмыть ее, иначе мое платье пропало.

Когда-то я слыхала, что кровавые пятна легко выводятся съ матеріи, если на изнанку намазать пшеничное тѣсто. Я взяла свое платье и побѣжала на кухню.

На кухнѣ, какъ я думала, не было огня. Тамъ было совершенно тихо, и только часы тикали на полкѣ. Но когда я направлялась къ чулану, я услышала мяуканье кошки, которая просилась въ комнату изъ сѣней. Въ этихъ сѣняхъ для нея была сдѣлана особая дверца, т. е. просто небольшое отверстие съ ставней на кожаныхъ петляхъ, черезъ которое она могла входить и выходить, когда ей было угодно. Я впустила кошку, а затѣмъ зашла въ чуланъ и взяла тамъ чашку муки. Подливъ въ чашку воды, я приготовила густое тѣсто, намазала его на изнанку платья, а затѣмъ повѣсила платье для сушки въ той же кухнѣ, въ темномъ стѣнномъ шкафчикѣ, въ которомъ хранилась старая одежда отца.

Послѣ этого я развела въ печѣ огонь, приготовила кофе, поджарила сухари и сварила нѣсколько яицъ.

Управившись со всѣмъ этимъ, я отворила дверь, которая выходитъ изъ гостиной въ кухню, и закричала:

— Батюшка, завтракъ готовъ!

Въ ту же минуту я вздрогнула. На другой сторонѣ двери было красное пятно.

— Батюшка!—закричала я опять.—Батюшка!

Никакого отвѣта.

— Батюшка!—закричала я изо всѣхъ силъ.—Отчего вы не отвѣчаете? Что съ вами?

Дверь его спальни стояла открытой. Мнѣ показалось, что я вижу тамъ красное отраженіе. Я собралась съ духомъ и направилась въ спальню отца. Его зеркало висѣло надъ письменнымъ столомъ, противъ кровати, и послѣдняя отражалась въ немъ.

Это было первое, что я увидѣла, подойдя къ двери. Я увидѣла въ зеркалѣ изображеніе отца и кровати. Отецъ лежалъ мертвый; онъ былъ убитъ ночью.

ГЛАВА II.

Б а н т ь.

Вѣроятно, я упала въ обморокъ, потому что затѣмъ увидѣла себя лежащею на полу и въ первую минуту не могла вспомнить, что случилось. Но потомъ я вспомнила,—и страшный, безразсудный ужасъ обуялъ меня.

— Надо поскорѣе запереть всѣ двери,—подумала я,—иначе убійца вернется.

Я сдѣлала попытку встать, но не могла удержаться на ногахъ и опять упала. Мнѣ пришлось ползкомъ выбраться изъ комнаты.

Прежде всего я направилась къ парадной двери; она оказалась запертой на ключъ и засовъ. Я подошла къ сѣверной двери; она тоже была заперта на засовъ. Наконецъ, я освидѣтельствовала очень рѣдко отворявшуюся у насъ западную дверь въ сѣняхъ,—ту самую, сбоку которой нахотится маленький проходъ для кошки; она была заперта на желѣзный крючокъ. Здѣсь не было замка.

Весь домъ былъ запертъ. При этой мысли холодъ пробѣжалъ у меня по спинѣ. „Значить, убійца еще здѣсь!“ Это придало мнѣ силы, и я встала на ноги. Я отперла дверь и побѣжала со двора, словно смерть гналась за мною по пятамъ.

Я побѣжала по дорогѣ, которая вела въ деревню. Первый домъ, гдѣ живутъ Феба Доль и Марія Вудсъ, отдѣленъ отъ нашего дома широкимъ лугомъ. Я не думала тамъ остановиться, потому что онѣ были женщины и не могли мнѣ помочь. Но увидѣвъ Фебу, которая выглядывала изъ окна, я вбѣжала къ нимъ во дворъ.

Она открыла окно.

— Что съ вами?—спросила она.—Что случилось, Сара Фербенксъ?

Къ ней подошла Марія Вудсъ и выглянула изъ-за ея плеча. Ея лицо было почти такъ же блѣло, какъ и волосы, и голубые глаза широко раскрыты. Мой видъ, должно быть, испугалъ ее.

— Отецъ... отецъ убитъ въ своей кровати!—сказала я.

Раздался крикъ, и лицо Марии Вудсъ, глядѣвшее на меня изъ-за плеча Фебы Доль, исчезло: она упала въ обморокъ. Я не знаю, поблѣднѣла-ли Феба при моихъ словахъ—она всегда была очень блѣдна,—но я увидѣла въ ея черныхъ глазахъ вы-

раженіе, котораго никогда не забуду. Кажется, съ этого именно момента она начала меня подозрѣвать.

Феба оглянулась на Марію, но задала мнѣ еще одинъ вопросъ.

— Ссорился онъ съ кѣмъ-нибудь?—спросила она.

— Только съ Руфусомъ,—отвѣтила я,—но Руфусъ уѣхалъ.

Феба отвернулась, чтобы привести въ чувство Марію, а я побѣжала дальше, въ деревню.

Сотня лицъ можетъ удостовѣрить, что я дѣлала послѣ того, можетъ рассказать, какъ я зашла къ доктору и помощнику шерифа; какъ я вернулась назадъ въ сопровожденіи испуганной толпы; какъ народъ вошелъ въ домъ и смотрѣлъ на отца (но только докторъ осторожно тронулъ его, чтобы по-смотреть, нѣтъ-ли въ немъ еще признаковъ жизни); какъ явился слѣдователь, и что произошло затѣмъ.

Пистолетъ лежалъ около отца въ кровати, но не былъ разряженъ. Онъ былъ запачканъ кровью, а на головѣ отца находился подтекъ, который могъ быть причиненъ пистолетомъ, пущеннымъ въ ходъ въ видѣ палки. Но рана, причинившая ему смерть, находилась у него въ груди и была нанесена какимъ-то рѣжущимъ орудіемъ, хотя края разрѣза не были отчетливы; по всей вѣроятности, инструментъ былъ очень тупой.

Обыскали домъ съ цѣлью удостовѣриться, не скрывается-ли еще въ немъ убійца. Я слышала, какъ нѣкоторые шептали имя Руфуса Беннетта. Какъ видно, всѣ знали, что наканунѣ онъ имѣлъ ссору съ моимъ отцемъ; это меня удивляло, такъ какъ я никому не говорила объ этомъ, кромѣ Фебы Доль, а послѣдняя не могла такъ скоро разгласить это по деревнѣ.

Чиновники заглянули въ темный шкафчикъ, гдѣ висѣло мое зеленое фуляровое платье, и отодвинули его въ сторону, чтобы посмотреть, не скрывается-ли тамъ кто, но въ моемъ платьѣ не замѣтили ничего особеннаго. Въ шкафчикѣ было очень темно, и, кромѣ того, на подобныя вещи они только позже стали обращать вниманіе.

Всѣ эти люди — сосѣди, помощникъ шерифа, а потомъ самъ шерифъ и другіе городскіе чиновники, вызванные по телеграфу,—имѣли лишь одно подозрѣніе, а именно—на Руфуса Беннетта. Всѣ были увѣрены, что онъ вернулся съ дороги и убилъ моего отца. Къ этой увѣренности они подгоняли всѣ факты. Они предполагали, что онъ убилъ отца тонкой, длинной отверткой, которую недавно занялъ у одного изъ сосѣдей и не возвратилъ. Слѣды его пальцевъ, еще сохранившіеся на горлѣ

отца, сравнивались съ кровавыми пятнами на двери гостиной; считали несомнѣннымъ, что онъ воротился и прокрался въ домъ черезъ восточную дверь, пока мы съ отцомъ сидѣли на крыльцѣ; что онъ спрятался, можетъ быть, въ томъ самомъ шкафчикѣ; въ которомъ висѣло мое платье, а потомъ вышелъ, убилъ моего отца и скрылся.

Напрасно я имъ говорила, что утромъ всѣ двери оказались запертыми. Они сами удостовѣрились, что всѣ окна тоже были заперты, за исключеніемъ двухъ или трехъ, оставленныхъ на ночь открытыми вслѣдствіе жары; но и тѣ были приподняты всего на три пальца и укрѣплены палочками, такъ что ихъ немислимо было поднять выше. Отецъ всегда тщательно запиралъ домъ, такъ какъ держалъ при себѣ иной разъ значительныя суммы денегъ. Чиновники видѣли всѣ эти несообразности, но ухитрялись подгонять ихъ къ своей теоріи, и немедленно были посланы два помощника шерифа, чтобы задержать Руфуса.

Въ то время они еще не начали меня подозрѣвать, и за моими дѣйствіями не было никакого надзора. Сосѣди выказали ко мнѣ большое участіе и всячески старались помочь мнѣ, освободивъ меня совершенно отъ заботъ о похоронахъ,—заботъ въ этомъ случаѣ еще болѣе печальныхъ, нежели обыкновенно.

На дознаніи я рассказала все, что знала, умолчавъ только о кровавыхъ пятнахъ на моемъ платьѣ. Я сама не знаю, зачѣмъ я это сдѣлала. Въ то время я была далека отъ мысли, что меня могутъ заподозрить въ преступленіи.

Двѣ сосѣдки, мистриссъ Гольмъ и мистриссъ Адамсъ, не оставляли меня цѣлый день. Къ вечеру, когда домъ почти опустѣлъ, онѣ пошли въ гостиную, чтобы привести ее въ порядокъ для похоронъ, а я осталась одна на кухнѣ. Сидя тамъ подлѣ окна, я вспомнила о своемъ зеленомъ платьѣ, и мнѣ захотѣлось узнать, что съ пятнами. Я отворила шкафчикъ и вынесла платье на свѣтъ. Пятна и полосы почти совершенно исчезли. Я вынесла платье въ сѣни и соскребла пшеничное тѣсто, которое уже высохло. Кусочки тѣста я тщательно собрала и бросила въ печку, а затѣмъ отнесла платье наверхъ и повѣсила его на прежнемъ мѣстѣ, въ моемъ собственномъ шкафу. Сосѣдки остались со мною на всю ночь.

Въ три часа пополудни на слѣдующій день—это былъ четвергъ—я пошла въ Фейль Доль, чтобы посоветоваться съ нею относительно чернаго платья для похоронъ. Сосѣдки настаивали на томъ, чтобы я перешла свое черное шелковое платье и отдѣлала его крепомъ.

Я застала дома только Марию Вудсъ. Увидѣвъ меня, она слегка вскрикнула и начала плакать. У нея былъ такой видъ, какъ будто она уже немало плакала. Ея голубые глаза распухли и покраснѣли.

— Феба ушла... къ мистриссъ Витней... примѣрить платье,— сказала она всхлипывая.

— Я хочу передѣлать свое черное шелковое платье,— сказала я.

— Она скоро... вернется,—отвѣтила Марія.

Я положила свое платье на софу и сѣла. Съ Маріей никто не совѣтуется относительно платья. Она шьетъ хорошо, но кроить только Феба.

Марія Вудсъ продолжала рыдать, какъ ребенокъ, закрывъ лицо своимъ уже совершенно мокрымъ платкомъ. Ея плечи вздрагивали. Я же сидѣла, какъ камень; я не могла плакать.

— Ахъ!—прошептала она, наконецъ,—я знала... я знала! Я сказала Фебѣ... я отлично знала, какъ будетъ!.. Я знала!

Я встрепенулась при этихъ словахъ.

— Что вы хотите сказать?—спросила я.

— Когда Феба во вторникъ вечеромъ пришла домой и рассказала, что вашъ отецъ и Руфусъ Беннеттъ поссорились, я знала, какъ это кончится,—сказала она всхлипывая.—Я знала, что у него ужасный характеръ.

— Развѣ Феба Доль во вторникъ вечеромъ знала, что отецъ и Руфусъ Беннеттъ поссорились?—спросила я.

— Да,—отвѣтила Марія Вудсъ.

— Откуда же она узнала?

— Она шла отъ мистриссъ Ормсби черезъ вашъ дворъ—это вѣдь кратчайшая дорога—и все слышала.

— Вы говорили объ этомъ кому-нибудь?—спросила я.

Марія отвѣтила, что не помнитъ; можетъ быть, кому-нибудь и сказала. Затѣмъ она вспомнила, что Феба рассказала объ этомъ Гарриетъ Сарджентъ, когда та приходила мѣрить платье. Теперь легко было понять, откуда люди знали про эту ссору.

Больше я ничего не сказала, но мнѣ показалось страннымъ, что Феба Доль спрашивала у меня, не поссорился-ли отецъ съ кѣмъ-нибудь, когда сама отлично знала это.

Феба скоро вернулась. Я надѣла свое платье, и она стала придумывать, какъ его перешить и чѣмъ отдѣлать. Я не дѣлала никакихъ указаній. Мнѣ было безразлично, какъ оно выйдетъ, да и во всякомъ случаѣ Феба не послушала бы меня. Она вѣчно дѣлаетъ по своему. Всѣ женщины у насъ въ деревнѣ

одѣваются, какъ захочетъ Феба Доль. Ихъ платья служатъ нагляднымъ доказательствомъ ея сильнаго характера.

Распарывая мое шелковое платье, Феба сказала:

— Послушайте, Сара, вѣдь у васъ должно быть зеленое фуляровое платье, которое вы сдѣлали себѣ въ Дигби позапрошлымъ лѣтомъ.

— Да, есть,—отвѣтила я.

— Отчего бы вамъ не перекрасить его въ черный цвѣтъ?—сказала она. — Тонкій фуляръ отлично красится. Изъ него вышло бы превосходное платье.

Я, кажется, на это ничего не отвѣтила, и она вызвалась сама перекрасить его. У нея былъ рецептъ, который она употребляла съ большимъ успѣхомъ. Я признавала, что это очень любезно съ ея стороны, но не дала окончательнаго отвѣта. Я не могла думать ни о чемъ, кромѣ ужаснаго несчастья, которое меня постигло.

— Завтра утромъ я зайду къ вамъ и возьму его, — сказала она.

Я поблагодарила ее. Я вспомнила было о пятнахъ, но тотчасъ мысли мои вернулись къ прежнему предмету.

Все это время Марія Вудсъ, не переставая, плакала. Въ концѣ концовъ Феба сердито обернулась къ ней.

— Если ты не можешь успокоиться, то иди лучше наверхъ, Марія,—сказала она.—Ты разстроишь Сару. Посмотри на нее! Видишь, какъ она вѣршится, а подумай, какое она имѣетъ основаніе убиваться.

— Я тоже имѣю основаніе, — отвѣтила Марія и затѣмъ еще жалобнѣе повторила:—О, я имѣю основаніе!

— Марія Вудсъ, ступай изъ комнаты! — закричала Феба такъ сердито, что я вздрогнула.

Марія безмолвно поднялась съ мѣста и вышла изъ комнаты, перегнувшись почти вдвое отъ судорожныхъ рыданій.

— Ее ужасно разстроила смерть вашего отца,—спокойно сказала Феба Доль, снова принимаясь за работу.—Она очень нервна. Иногда ничего не остается, какъ прикрикнуть на нее для ея же пользы.

Я кивнула головой. Марія Вудсъ слыветъ у насъ доброй, слабой, зависимой женщиной, и Феба Доль, несомнѣнно, очень любить ее. Всю жизнь, кажется, она защищала ее и заботилась о ней. Онѣ поселились вмѣстѣ, когда были еще молодыми дѣвушками. Феба—высокая, очень блѣдная и худая женщина, но за всю свою жизнь она, кажется не проболѣла и

одного дня. Она некрасива, но на ея бездѣльномъ лицѣ съ гладкими прядями бѣлыхъ, начесанныхъ на уши волосъ лежитъ печать какой-то суровой доброты и честности.

Какъ только мое платье было перекроено, я пошла домой. Въ этотъ вечеръ ко мнѣ пріѣхалъ Генри Эллисъ. Незачѣмъ входить въ подробности этого свиданія. Достаточно будетъ сказать, что онъ выказалъ мнѣ много участія и нѣжности. Въ первый разъ я заплакала, а онъ успокаивалъ и утѣшалъ меня.

Генри пріѣхалъ изъ Дигби и привязалъ свою лошадь у насъ во дворѣ. Въ десять часовъ онъ простился со мною на крыльцѣ и только что собирался повернуть свой кабриолетъ, какъ изъ двери выбѣжала мистриссъ Адамсъ.

— Это ваше? — спросила она и подала ему бантъ изъ желтой ленты.

— Навѣрное, ваше. Вѣдь такою лентой обернуть вашъ бичъ, Генри, — сказала я.

Онъ посмотрѣлъ на бантъ.

— Да, это мой бантъ, — отвѣтилъ онъ. — Должно быть, я обронилъ его.

Онъ спряталъ его въ карманъ и уѣхалъ.

— Онъ потерялъ этотъ бантъ не сегодня, — сказала мистриссъ Адамсъ. — Я нашла его во дворѣ еще въ среду утромъ.

ГЛАВА III.

Подозрѣніе — еще не доказательство.

Когда мистриссъ Адамсъ сказала мнѣ, что она нашла въ среду утромъ бантъ съ бича Генри, я ничего не отвѣтила, но про себя подумала, что Генри, навѣрное, пріѣзжалъ во вторникъ вечеромъ и даже завернулъ во дворъ, чтобы быть ближе ко мнѣ, хотя домъ былъ уже запертъ, и я лежала въ постели. При этой мысли у меня пріятно сжалось сердце. Но черезъ минуту я почувствовала угрызеніе совѣсти, вспомнивъ, что отецъ мой лежитъ мертвый въ домѣ.

Мой отецъ былъ похороненъ такъ скромно и тихо, какъ только было возможно. Все-таки это была ужасная пытка. Между тѣмъ пришло изъ Вермонта извѣстіе, что Руфусъ Беннеттъ арестованъ у себя на фермѣ. Онъ послушно поѣхалъ съ чиновниками и очень скоро безъ труда доказалъ, что въ

моментъ совершенія убійства былъ у себя дома, въ Вермонтѣ. Свидѣтели удостовѣрили, что онъ выѣхалъ изъ нашего штата задолго до того вечера, когда мы съ отцомъ сидѣли на ступенькахъ крыльца, и что онъ ѣхалъ безостановочно до самаго дома.

Отвертку, которою, предполагалось, было совершено преступленіе, ея собственникъ нашелъ въ комодѣ своей жены. Оказалось, что Руфусъ въ свое время возвратилъ ее, и жена этого сосѣда употребляла ее для прибаванія картинъ въ своей комнатѣ. Беннеттъ былъ освобожденъ и возвращенъ въ Вермонтъ.

Тогда мистриссъ Адамсъ рассказала, что она нашла желтый бантъ съ бича Генри Эллиса, и Генри былъ арестованъ, такъ какъ считалось, что онъ имѣлъ мотивъ для убійства моего отца. Всѣмъ было извѣстно, что отецъ не соглашался на нашъ бракъ, и, кромѣ того, подозрѣвали, что Генри позарился на его деньги. Оказалось, что у моего отца было больше денегъ, чѣмъ я сама думала.

Генри сознался, что въ ту ночь заѣзжалъ въ нашъ дворъ и, по возвращеніи въ Дигби, не нашелъ на своемъ бичѣ желтаго банта. Но тутъ явился одинъ изъ конюховъ той наемной конюшни, въ которой Генри держалъ свою лошадь и кабріолетъ, и заявилъ, что во вторникъ вечеромъ онъ нашелъ желтый бантъ въ каретномъ сараѣ до возвращенія Генри домой. Такимъ образомъ на лицо оказалось два желтыхъ банта, и тотъ, который былъ представленъ конюхомъ, болѣе подходилъ къ рукояткѣ бича Генри:

Кромѣ того, посмертнымъ изслѣдованіемъ тѣла отца довольно точно былъ установленъ моментъ смерти. Содержатель конюшни удостовѣрилъ часъ возвращенія Генри и скорость его лошади, и послѣ этого Генри былъ освобожденъ, потому что если онъ совершилъ это убійство, то не могъ такъ рано возвратиться домой.

Такимъ образомъ онъ былъ освобожденъ, хотя подозрѣніе до сихъ поръ тяготѣетъ на немъ. Многіе вѣрятъ въ его виновность; изъ нихъ нѣкоторые считаютъ меня невинной, а другіе видятъ въ насъ сообщниковъ.

Когда Генри былъ освобожденъ, арестовали меня. Больше уже никого нельзя было обвинять. У убійцы долженъ быть какой-нибудь мотивъ, а я была единственнымъ человѣкомъ, которому еще можно было приписать его. Въ противоположность другимъ, которыхъ освободили послѣ предварительнаго

дознанія, меня рѣшили представить большому жюри *) и отвезли въ Дедгемъ, гдѣ я просидѣла четыре недѣли въ тюрьмѣ, ожидая, пока соберется большое жюри.

Ни на предварительномъ дознаніи, ни передъ большимъ жюри мнѣ не было позволено сдѣлать такое полное и откровенное признаніе, которое я дѣлаю теперь. Мнѣ было велѣно отвѣчать на предлагаемые мнѣ вопросы, самой же не добавлять ничего.

Я не знаю законовъ. Я хотѣла поступить какъ можно лучше, дѣйствовать какъ можно благоразумнѣе, ради Генри и ради самой себя. Я ничего не сказала относительно зеленого фуляроваго платья. Когда меня арестовали, домъ былъ опять обысканъ сверху до низу, но платья тамъ не было: оно лежало тогда въ красильномъ котлѣ Фебы Доль. Когда она, согласно обѣщанію, пришла за нимъ, я собирала въ саду бобы, и она сама вынула его изъ шкафа. Она сама же принесла его обратно и рассказала мнѣ объ этомъ, когда я вернулась изъ Дедгема.

— Я хотѣла сдѣлать вамъ сюрпризъ, — сказала она. — Оно приняло чудный черный цвѣтъ.

Говоря это, она странно посмотрѣла на меня, — не то желая заглянуть ко мнѣ въ душу, не то боясь увидѣть тамъ что-нибудь. Я не знаю, что обозначалъ этотъ взглядъ Фебы Доль. Можетъ быть, на платьѣ все-таки оставалось какое-нибудь пятно, и она замѣтила его.

Мнѣ кажется, что если бы я не вывела пятенъ посредствомъ пшеничнаго тѣста, меня бы повѣсили за отцеубійство. Но теперь большое жюри постановило не предавать меня суду, такъ какъ противъ меня не было рѣшительно никакихъ уликъ, — и я вернулась домой свободной женщиной. Если бы людей осуждали только за то, что у нихъ были мотивы къ преступленію, то было-ли бы достаточно палачей на свѣтѣ?

Не было найдено никакого орудія, которымъ я могла бы совершить это преступленіе. Не было найдено кровавыхъ пятенъ на моемъ платьѣ. Единственное, что говорило противъ меня (кромѣ мотива), было то, что утромъ послѣ убійства всѣ двери и окна были заперты. Но то обстоятельство, что я сама сообщила объ этомъ, ослабляло, конечно, силу этой улики.

*) «Большое жюри» — присяжные, которые рѣшаютъ вопросъ о преданіи подозрѣваемого суду.

Прим. пер.

Послѣ этого нѣкоторые рѣшили, что я впала въ заблужденіе подѣ влияніемъ страха и волненія. Такимъ образомъ возникла теорія, поддерживаемая немногими, что убійца первоначально замышлялъ и меня сдѣлать своей жертвой и заперъ двери, для того, чтобы ему никто не помѣшалъ, но въ послѣднюю минуту онъ раздумалъ, далъ мнѣ возможность убѣжать и потомъ самъ скрылся. Нѣкоторые предполагали, что онъ хотѣлъ узнать отъ меня, гдѣ мой отецъ хранилъ свои деньги, но, въ концѣ концовъ, не рѣшился на это.

Отецъ, дѣйствительно, хранилъ свои деньги въ потайномъ мѣстѣ, которое было извѣстно только ему и мнѣ. Но, насколько можно судить, убійца не дѣлалъ даже попытокъ отыскать деньги: всѣ ящики остались нетронутыми, и золотые часы отца преспокойно тикали подѣ его подушкой; даже его бумажникъ въ боковомъ карманѣ уцѣлѣлъ. Въ этомъ бумажникѣ оказалась небольшая пачка банковыхъ билетовъ и немного мелочи; отецъ никогда не носилъ съ собою много денегъ. Я думаю, что если бы бумажникъ и часы отца были похищены, то на меня бы вовсе не упало подозрѣніе.

Я была, какъ уже сказано, освобождена, за неимѣніемъ уликъ, и возвратилась домой,—свободная по закону, но унося ужасное бремя подозрѣнія на своихъ плечахъ. Такимъ образомъ я прихожу къ настоящему моменту. Я возвратилась вчера вечеромъ. Въ тотъ же вечеръ Генри Эллисъ пріѣхалъ ко мнѣ. Больше онъ уже не будетъ пріѣзжать, потому что я запретила ему. Вотъ что я ему сказала:

— Я знаю, что ты невиненъ, ты знаешь, что я невинна. Но для всего остального міра мы находимся подѣ подозрѣніемъ,—я больше, нежели ты, но все-таки мы оба находимся подѣ подозрѣніемъ. Если насъ увидятъ вмѣстѣ, то это подозрѣніе еще возрастетъ. Я не забочусь о себѣ, но думаю о твоей судьбѣ. Если мы съ тобою разстанемся, тѣнь, которая упала на тебя, скоро исчезнетъ,—въ особенности, если ты женишься на другой.

Тутъ Генри прервалъ меня.

— Я не женюсь на другой,—сказалъ онъ.

Въ душѣ мнѣ было пріятно слышать эти слова, но я стояла на своемъ.

— Если ты встрѣтишь хорошую дѣвушку, которую въ состояніи будешь полюбить, то для тебя лучше будетъ жениться на ней,—сказала я.

— Я не женюсь!—повторилъ онъ.

Онъ обнялъ меня, но у меня хватило силы воли оттолкнуть его.

— Тѣмъ лучше, если только мнѣ удастся исполнить то, что я затѣваю,—сказала я.

Я приходила къ заключенію, что онъ вовсе не интересовался хорошенькой дѣвушкой, съ которой столовался въ одномъ домѣ.

— Что такое ты затѣваешь?—спросилъ онъ.

— Я хочу найти убійцу моего отца,—отвѣтила я.

Генри странно посмотрѣлъ на меня, а затѣмъ, прежде чѣмъ я успѣла остановить его, крѣпко обнялъ меня и поцѣловалъ въ лобъ.

— Богъ свидѣтель, Сара, я вѣрю въ твою невинность,—сказалъ онъ, и съ этой минуты я почувствовала въ себѣ полную рѣшимость и силу исполнить то, что задумала.

Я хочу найти убійцу своего отца. Завтра я начинаю свои розыски. Прежде всего, съ цѣлью найти какой-нибудь слѣдъ, я предприму такой тщательный осмотръ дома, какого не дѣлалъ ни одинъ чиновникъ. Каждую комнату я раздѣлю при помощи линейки на квадраты и каждый изъ этихъ квадратовъ изучу съ такимъ стараніемъ, какъ алгебраическую задачу.

Я держусь того мнѣнія, что никакое человѣческое существо не въ состояніи проникнуть въ домъ и совершить тамъ подобное злодѣяніе, не оставивъ слѣдовъ, которые могли бы играть роль извѣстныхъ величинъ алгебраическаго уравненія.

Кромѣ того, есть возможность, что эти изслѣдованія я буду производить не одна. Генри общалъ больше не являться ко мнѣ, пока я ему не разрѣшу, но онъ намѣренъ прислать мнѣ изъ Бостона сыскаго агента, — человѣка, котораго онъ лично знаетъ. Этотъ сыщикъ приходится ему даже сродни, и только благодаря этому, можно будетъ воспользоваться его услугами, потому что иначе онъ ни за какія деньги не согласился бы помогать мнѣ. Онъ добивался замѣчательнаго успѣха во многихъ случаяхъ, но не пользуется крѣпкимъ здоровьемъ; работа очень дурно вліяетъ на его нервы, и врачи предписали ему безусловный отдыхъ въ теченіе цѣлаго года,—тѣмъ болѣе, что въ матеріальномъ отношеніи онъ вполне обезпеченъ. Но Генри надѣется, что убѣдитъ его взяться за мое дѣло.

На этомъ я кончу свои замѣтки и теперь пойду спать. Завтра—среда, и исполнится ровно пять недѣль со времени смерти моего отца. Завтра утромъ я примусь за дѣло, и если только это въ человѣческой власти, я добьюсь успѣха.

ГЛАВА IV.

С л ѣ д ы.

(Нижеслѣдующія страницы взяты изъ дневника миссъ Фербенксъ, начатаго ею по окончаніи замѣтокъ, уже извѣстныхъ читателю).

Среда. — Я рѣшила каждый день тщательно записывать результаты моего изслѣдованія. Сегодня я начала съ конца, т. е. съ комнаты, въ которой труднѣе всего ожидать какихъ-нибудь слѣдовъ,—гостиной. Я взяла линейку и мѣлъ, раздѣлила полъ на квадратные ярды и каждый изъ этихъ квадратовъ внимательно изслѣдовала. При этомъ я не нашла на коврѣ буквально ничего, кромѣ пыли, пуха, двухъ обыкновенныхъ бѣлыхъ булавокъ и голубой шелковой нитки, длиною дюйма въ три.

Затѣмъ я взяла щетку и ярдъ за ярдомъ вымела весь полъ. Собравъ весь соръ въ картонный ящикъ, я вынесла его во дворъ и здѣсь разсмотрѣла его при яркомъ солнечномъ свѣтѣ. Въ немъ не оказалось ничего, кромѣ пыли, пуха и коричневой шерстяной нитки, очевидно, выдернувшейся изъ какого-нибудь платья. Эти двѣ нитки, голубая и коричневая, составляютъ мою единственную находку за этотъ день, но онѣ едва ли имѣютъ какое-либо существенное значеніе. По всей вѣроятности, жена Руфуса можетъ объяснить ихъ происхожденіе. Я написала ей объ этомъ.

За весь день никто не приходилъ ко мнѣ. Послѣ полудня я пошла въ лавку за кое-какими припасами, и люди мгновенно умолкли, когда я явилась. Приказчикъ принялъ отъ меня деньги, какъ будто онѣ были отравлены.

Четвергъ. — Сегодня я обыскала вторую гостиную, которая соединяется дверью съ спальней отца. Я нашла на коврѣ два кровавыхъ слѣда ноги, которыхъ раньше никто не замѣтилъ,—быть можетъ, потому, что самъ коверъ представляетъ сочетаніе краснаго и бѣлаго цвѣтовъ. Я прибѣгла къ помощи микроскопа, который употребляла у себя въ школѣ. Эти слѣды находятся около дверей спальни, обращены пальцами къ гостиной и оба принадлежатъ правой ногѣ; одинъ слѣдъ шире другого, но оба очень неясны. Нога была, очевидно, совсѣмъ боса, или же въ одномъ чулкѣ, потому что слѣды очень широки. Они шире, нежели сапоги моего отца. Я мѣрила по болѣе широкому слѣду.

За исключеніемъ этого, я не нашла ничего новаго въ этой гостиной. Кровяныя пятна, о которыхъ уже было сказано, еще

сохранились на дверяхъ. Сначала ихъ запретилъ смывать шерифъ, а потомъ — я. Эти пятна — двухъ сортовъ: одни, повидимому, сдѣланы платьемъ, коснувшимся двери; другія, какъ мнѣ кажется, сначала произошли отъ прикосновенія кровавой руки, а потомъ сверху замазаны платьемъ. Эти пятна находятся только на дверяхъ параднаго входа и буфетнаго шкафа; на дверяхъ спальни такихъ слѣдовъ нѣтъ. Буфетный шкафъ представляетъ собою, въ сущности, простую кладовую, но я употребляю его для храненія лучшихъ блюдъ и запасовъ.

Пятница. — Сегодня я обыскала кладовую. Одна изъ полкъ, приблизительно на высотѣ моихъ плечъ, оказалось, запачкана кровью. На меня это производитъ такое впечатлѣнiе, какъ будто убійца хватался за полку, будучи не въ силахъ удержаться на ногахъ. Не упалъ-ли онъ въ обморокъ послѣ своего страшнаго дѣла? На этой полкѣ стояло нѣсколько чашекъ съ желе, но онѣ остались нетронутыми. Единственный слѣдъ — это кровавое пятно на краю полки.

На полу кладовой, подъ полками, я нашла пуговицу — очевидно, отъ мужского платья, какъ будто заброшенною туда нечаянно ногой. Это — обыкновенная черная металлическая пуговица отъ брюкъ; какъ видно, она уже разъ оторвалась и затѣмъ кое-какъ снова была пришита, потому что на ней осталось немного толстой бѣлой нитки. Надо думать, что пуговица принадлежала холостяку или человѣку, женатому на нерадивой женѣ.

Если черная пуговица пришивается бѣлой ниткой, то второе предположеніе очень вѣроятно. Быть можетъ, я ошибаюсь, но я придаю этой пуговицѣ большое значеніе.

Жена Руфуса передъ отъѣздомъ старательно подмела и даже вымыла полъ кладовой.

Ни мой отецъ, ни Руфусъ не могли потерять тамъ этой пуговицы, потому что они никогда не заходили въ эту кладовую. Ее обронилъ убійца.

У меня есть картонный ящикъ, на которомъ я написала: „Улики“. Я положила туда эту пуговицу.

Сегодня днемъ ко мнѣ приходила Феба Доли. Она очень любезна. Она перекроила мое крашеное фуляровое платье. Звукъ ея большихъ ножницъ приводилъ меня въ содроганіе. Я не могу отдѣлаться отъ мыслей объ этомъ платьѣ. Жаль будетъ, если она сочтетъ меня неблагодарной, потому что, кромѣ Генри, она единственная душа, которая продолжаетъ ко мнѣ относиться по-прежнему.

Феба спросила, что я дѣлаю по цѣлымъ днямъ, и я отвѣтила:

— Ищу убійцу моего отца.

Она спросила затѣмъ, нашла-ли я какіе-нибудь слѣды, и я отвѣтила:

— Кажется, да.

Я уже нашла тогда пуговицу, но не сказала Фебѣ объ этомъ. Она передала мнѣ, что Марія нездорова.

Я видѣла, что она смотритъ на кровавыя пятна на дверяхъ, и сказала ей, что нарочно не смываю ихъ, въ надеждѣ, что они помогутъ открыть убійцу. Она рассмотрѣла поближе тѣ пятна, что находятся на парадной двери—они самыя широкія,—и заявила, что не понимаетъ, какъ они могутъ помочь дѣлу, такъ какъ на нихъ, вѣдь, не видно пальцевъ, а ихъ видъ можетъ разстроить нервы.

— Мнѣ теперь не до нервовъ,—отвѣтила я.

Суббота.—Сегодня я сдѣлала странное открытіе. Я работала въ той самой комнатѣ, гдѣ погибъ ужасною смертью отецъ. Разумѣется, предметы, съ которыми связаны наиболѣе тяжелыя воспоминанія, удалены изъ нея. Кровать вычищена, коверъ вымытъ, но все-таки здѣсь до сихъ поръ какъ-то жутко. Кажется, будто духъ убійства витаетъ въ ней. Сначала я думала, что у меня не хватитъ смѣлости войти туда, но, войдя туда, я сдѣлала странное открытіе.

Мой отецъ, хотя никогда не носилъ при себѣ большихъ денегъ, имѣлъ обыкновеніе держать въ домѣ значительныя суммы, такъ какъ ближайшій банкъ находится на разстояніи десяти миль. При этомъ, однако, онъ соблюдалъ крайнюю осторожность; у него было потайное мѣсто, извѣстное только мнѣ. Въ его комнатѣ, у ногъ его кровати, стоялъ маленькій столикъ. Подъ этимъ столикомъ, или, вѣрнѣе, подъ его верхней доской, онъ прикрѣпилъ большую кожаную сумку, въ которой и держалъ всѣ свои свободныя деньги. Я помню, какъ блестяли его глаза, когда онъ показывалъ мнѣ этотъ тайникъ.

— Обыкновенные люди думаютъ, что вещи могутъ быть только въ столѣ или на столѣ,—сказалъ отецъ.—Они не понимаютъ, что есть способы обходить ихъ расчеты и законы притяженія.

Изслѣдуя комнату моего отца, я вспомнила эти слова и его особенную систему прятать вещи, и благодаря этому, я сдѣлала свое открытіе. Я рассуждала, что при своемъ изслѣдованіи, я должна искать не только скрытые слѣды преступника, но и

все, что по какой бы то ни было причинѣ скрывалось. То, что скрывалъ самъ отецъ, что-нибудь, относящееся къ его прошлому, могло создать для другого мотивъ къ преступленію.

Деньги, лежавшія въ сумкѣ подъ столомъ, въ количествѣ около пятисотъ долларовъ, были въ свое время удалены и положены въ банкъ. Больше тамъ ничего не оказалось. Я осмотрѣла нижнюю поверхность письменнаго стола и сидѣній стульевъ. Въ комнатѣ, кромѣ мягкой качалки, было два деревянныхъ стула, выкрашенныхъ въ зеленую краску, съ плетенымъ сидѣньемъ. Подъ сидѣньями ничего не оказалось.

Тогда я опрокинула стулья и осмотрѣла ножки. Мое сердце сильно забилося, когда я увидѣла кусочекъ кожи, прикрѣпленный къ нижней поверхности одной изъ ножекъ. Я взяла клещи и вытащила гвоздики, которыми была прибита кожа. Оказалось, что ножка стула выдолблена внутри, и отверстіе плотно заткнуто сверху ватой. Я попробовала вытащить вату и скоро наткнулась на что-то твердое. Послѣднее оказалось стариннымъ широкимъ и массивнымъ золотымъ кольцомъ, напоминающимъ собою обручальное.

Я поднесла его къ окну и увидѣла на внутренней поверхности надпись: „Да не угасаетъ любовь“. Подлѣ надписи стоятъ два числа: одно относится къ августу, сорокъ лѣтъ тому назадъ, а другое—къ августу настоящаго года. Я думаю, что это кольцо никогда не носилось на пальцѣ; хотя первая часть надписи очень стара, но видна совершенно отчетливо; вторая половина, несомнѣнно, вырѣзана очень недавно.

Это кольцо не могло принадлежать моей матери. У нея было только обручальное кольцо, съ которымъ ее и похоронили. Должно быть, отецъ хранилъ это кольцо въ теченіе многихъ лѣтъ. Но зачѣмъ? Что оно можетъ собою обозначать? Едва-ли въ немъ можно видѣть ключъ къ разгадкѣ преступленія; трудно думать, чтобы оно могло повести къ открытію какого-либо мотива. Тѣмъ не менѣе я положила это кольцо въ свой картонный ящикъ.

Воскресенье.—Сегодня, разумѣется, я не производила своихъ изслѣдованій. Я не была въ церкви. Я не могу смотрѣть въ лицо прежнимъ друзьямъ, которые не рѣшаются смотрѣть мнѣ въ лицо. Иногда мнѣ кажется, что въ нашей деревнѣ нѣтъ человѣка, который бы не вѣрилъ въ мою виновность.

Часа въ три по полудни—время, когда въ деревнѣ кончаютъ праздничный обѣдъ,—раздался стукъ въ сѣверную дверь.

Я открыла ее и увидѣла передъ собою незнакомаго молодого человѣка съ большой книгой подъ мышкой. Онъ былъ очень худощавъ, гладко выбритъ и имѣлъ видъ духовнаго лица.

— У меня есть книга, на которую я хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе,—началъ онъ.

Я съ удивленіемъ посмотрѣла на него, недоумѣвая, какъ это книжный агентъ вздумалъ разносить свой товаръ въ воскресенье.

Онъ слегка улыбнулся.

— Это „Библейская Энциклопедія“,—сказалъ онъ.

— Меня она мало интересуеетъ,—отвѣтила я.

— Вы—миссъ Сара Фербенксъ, надо полагать?

— Да,—холодно отвѣтила я.

— Мистеръ Генри Эллисъ прислалъ меня сюда. Меня зовутъ Диксъ,—Френсисъ Диксъ.

Я поняла, что это кузень Генри, сыскной агентъ, пріѣхавшій изъ Бостона ко мнѣ на подмогу. Слезы выступили у меня на глазахъ.

— Это очень любезно съ вашей стороны, что вы пріѣхали,—съ трудомъ произнесла я.

— Я сдѣлалъ это изъ эгоизма, а не изъ любезности,—возразилъ онъ.—Но вы меня лучше впустите въ домъ. Если сосѣди увидятъ, что я продаю свою книгу по воскресеньямъ, я не буду имѣть никакого успѣха. Итакъ, имѣйте въ виду, что я дѣйствительно книжный агентъ. Я намѣренъ попытать здѣсь счастья.

Онъ вошелъ въ комнату. Я показала ему все, что записала; онъ внимательно прочелъ это и затѣмъ долгое время сидѣлъ въ задумчивости.

— Дня черезъ три, самое большое, мы все распутаемъ,—сказалъ онъ, наконецъ, съ прояснившимся лицомъ и взоромъ.

— Я рассчитывала на три года,—отвѣтила я.

— Говорю вамъ, мы покончимъ съ этимъ въ три дня,—повторилъ онъ.—Но не знаете-ли, гдѣ я могу поселиться, пока буду набирать подписчиковъ для своей замѣчательно интересной книги? Здѣсь я, понятно, не могу оставаться, а въ деревнѣ нѣтъ гостиницы. Какъ вы думаете,—эти двѣ портнихи, что живутъ рядомъ съ вами,—Феба Доль и другая,—согласятся принять меня?

Я сказала, что онъ никогда не принимали жильцовъ.

— Но я все-таки пойду, спрошу,—заявилъ мистеръ Диксъ, и прежде чѣмъ я успѣла что-нибудь отвѣтить, ушелъ съ своею книгой подъ мышкой.

Я еще не встрѣчала человѣка, который бы дѣлалъ все съ такою безшумной быстротой, какъ этотъ мистеръ Диксъ. Удастся-ли ему доказать мою невинность въ три дня? Должно быть, онъ таки поселился у Фебы Доль, потому что вечеромъ послѣ молитвы я видѣла, какъ они шли вмѣстѣ. Я увѣрена, что завтра рано утромъ онъ пріѣдетъ ко мнѣ.

ГЛАВА V.

У л и к и.

Понедѣльникъ.— Сыщикъ пришелъ, какъ я и ожидала. Я встала чуть свѣтъ и увидѣла, что онъ идетъ черезъ покрытый росой лугъ съ своей „Энциклопедіей“ подъ мышкой. Онъ вышелъ тайкомъ черезъ заднюю дверь дома Фебы Доль.

Онъ велѣлъ мнѣ принести ему пистолетъ моего отца, а потомъ повелъ меня во дворъ.

— Стрѣляйте,—сказалъ онъ, подавая мнѣ пистолетъ.

Какъ я уже упоминала, пистолетъ былъ заряженъ.

— Я разбужу сосѣдей,—отвѣтила я.

— Стрѣляйте! — повторилъ онъ.

Я нажала собачку изо всѣхъ силъ.

— Не могу,—сказала я.

— А вѣдь вы довольно сильная женщина?

Я отвѣтила, что всѣ меня считаютъ такою. Какъ много я слыхала рѣчей о силѣ моихъ несчастныхъ женскихъ рукъ и объ ихъ умѣньи владѣть этимъ смертоноснымъ оружіемъ!

Мистеръ Диксъ тронулъ собачку.

— Я могу выстрѣлить,—сказалъ онъ,—но не хочу. Это разбудитъ сосѣдей.

— Это новое доказательство противъ меня,—съ отчаяніемъ сказала я.—Преступникъ пробовалъ выстрѣлить, но не сумѣлъ.

— Это новое доказательство противъ преступника,—сказалъ онъ.

Мы вошли въ домъ и долго старательно разсматривали мой ящикъ съ уликami. Увидѣвъ кольцо, онъ спросилъ, есть-ли въ деревнѣ ювелиръ, и я отвѣтила, что нѣтъ. Я рассказала ему, что чаще всего мой отецъ ѣздилъ по дѣламъ въ Экстонъ, находящійся въ десяти миляхъ разстоянія отъ насъ.

Онъ внимательно рассмотрѣлъ пуговицу, которую я нашла въ кладовой, и затѣмъ попросилъ показать ему платье моего отца. Я показала. Кромѣ того платья, въ которомъ отецъ былъ

похороненъ, у него былъ только одинъ полный костюмъ. Затѣмъ въ его шкафу въ спальнѣ оказалось два пальто, старый черный фракъ, пара крапчатыхъ брюкъ и два черныхъ жилета. Мистеръ Диксъ осмотрѣлъ пуговицы; всѣ были цѣлы.

На кухнѣ, въ стѣнномъ шкафу тоже былъ одинъ старый костюмъ. Онъ подвергся такому же осмотру, и на немъ всѣ пуговицы оказались налицо.

— Что дѣлалъ вашъ отецъ наканунѣ смерти?—спросилъ Диксъ.

Я подумала и отвѣтила, что онъ распаковывалъ товары, полученные изъ Вермонта, и немного работалъ въ саду.

— Во что онъ былъ одѣтъ?

— На немъ были крапчатые брюки и черный жилетъ. Онъ всегда работалъ безъ сюртука.

Диксъ спокойно вернулся въ комнату отца и подошелъ къ шкафу. Я послѣдовала за нимъ. Онъ вынулъ брюки и жилетъ и снова тщательно осмотрѣлъ ихъ.

— А чѣмъ же онъ закрылся?—спросилъ онъ.

— Передникомъ, конечно,—сразу отвѣтила я.

Я вспомнила, какъ отецъ ходилъ по садовой дорожкѣ въ синемъ передникѣ, подвязанномъ высоко подъ мышками.

— Гдѣ же онъ?

— Развѣ его нѣтъ въ кухонномъ шкафу?

— Нѣтъ.

Но мы все-таки вернулись на кухню и еще разъ осмотрѣли шкафъ; затѣмъ мы осмотрѣли сѣни. Въ эту минуту кошка пролѣзла черезъ свое оконце и стала тереться объ его ноги. Диксъ наклонился и погладилъ ее. Затѣмъ онъ быстро подошелъ къ двери, подлѣ которой находилось отверстіе для кошки, откинулъ крючокъ и вышелъ на порогъ. Я хотѣла послѣдовать за нимъ, но онъ знакомъ показалъ мнѣ, чтобы я осталась позади.

— Хотя насъ не видно изъ оконъ моей хозяйки,—сказалъ онъ,—но я боюсь, что она подойдетъ къ задней двери.

Я слѣдила за нимъ. Онъ медленно пошелъ по узенькой извилистой тропинкѣ, которая огибаетъ заднюю сторону нашего дома и тянется, еле замѣтная среди луга, къ задней части дома Фебы Доль. Онъ остановился, осмотрѣлъ кустъ шиповника, потомъ подошелъ къ старому колодцу и опять остановился. Этотъ колодезь уже много лѣтъ тому назадъ высохъ и теперь почти заваленъ камнями и мусоромъ. Сверху онъ прикрытъ досками, на которыхъ положено нѣсколько тяжелыхъ камней, для того, чтобы онѣ не могли сдвинуться съ мѣста.

Диксъ оглянулся на домъ Фебы Доли, затѣмъ сталъ на колѣни, отодвинулъ камни, снялъ доски и заглянулъ въ колодезь. Затѣмъ онъ перегнулся черезъ его край и потянулся внизъ. Нѣсколько разъ онъ повторялъ эту попытку, а затѣмъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и попросилъ у меня зонтикъ съ крючкомъ на рукояткѣ или вообще что-нибудь такое, чѣмъ можно было бы зацѣпить матерію.

Я принесла ему свой зонтикъ, серебряная рукоятка котораго какъ разъ имѣла форму крюка. Онъ вернулся къ колодезю, снова сталъ на колѣни, опустилъ зонтикъ и довольно легко вытащилъ то, за чѣмъ охотился. Затѣмъ онъ принесъ вытащенную имъ вещь мнѣ.

— Только не упадите въ обморокъ,—сказалъ онъ и взял меня за руку.

Я чуть не вскрикнула, когда увидѣла, что онъ держалъ въ рукахъ. Это былъ синій передникъ моего отца, весь забрызганный и запачканный кровью.

Я посмотрѣла на передникъ, а затѣмъ—на Дикса.

— Мужайтесь!—сказалъ онъ.—Мы напали на слѣдъ: Вотъ откуда пуговица,—смотрите.

Онъ указалъ на одну изъ помочей передника; пуговица на ней была оторвана. На ея мѣстѣ висѣло нѣсколько бѣлыхъ нитокъ. Другая черная металлическая пуговица была грубо пришита тѣми же бѣлыми нитками, какія сохранились на пуговицѣ, найденной мною.

— Что это значить?—пролепетала я.

У меня въ головѣ мысли мѣшались.

— Вы скоро узнаете,—отвѣтилъ онъ.

Онъ посмотрѣлъ на свои часы и положилъ въ сторону свою ужасную находку.

— Васъ удивляетъ, какимъ образомъ убійца могъ войти и выйти, несмотря на то, что двери остались закрытыми?—спросилъ онъ.

— Да.

— Ну, я теперь выйду. Заприте за мною дверь.

Онъ вышелъ, все еще держа въ рукахъ мой зонтикъ. Я заперла за нимъ дверь на крючокъ. Черезъ секунду я увидѣла, что ставня, придѣланная къ окну для кошки, приподнимается, и въ окнѣ показалось рука мистера Дикса. Онъ изогнулъ свою руку и попытался достать крючокъ, но не достигъ его на полфута. Тогда онъ вытащилъ свою руку назадъ и всунулъ въ окно мой зонтикъ съ серебряной рукояткой. Зонтикомъ онъ

довольно легко досталъ до крючка и отперъ его. Затѣмъ онъ снова его заперъ. Но это было уже не легко. Онъ возился довольно долго. Наконецъ, ему удалось это. Тогда онъ вторично отперъ его и вошелъ въ комнату.

— Вотъ какъ, значитъ,—сказала я.

— Нѣтъ, не такъ,—возразилъ онъ.—Ни одинъ человѣкъ послѣ такого злодѣянія не имѣлъ бы терпѣнія запереть за собою дверь. Опустите свою руку внизъ.

Я повиновалась. Онъ посмотрѣлъ на мою руку, затѣмъ — на свою.

— У васъ есть тесьма?—спросилъ онъ.

Я достала тесьму изъ своей рабочей корзинки. Онъ измѣрилъ свою руку, затѣмъ—мою и, наконецъ, разстояніе отъ окошка до дверного крючка.

— Я задамъ вамъ на сегодня и на завтра двѣ задачи,—сказалъ онъ.—Я не могу часто бывать у васъ. Отыщите всѣ старыя письма вашего отца и прочитайте ихъ. Отыщите въ этой деревнѣ мужчину или женщину, чья рука на шесть дюймовъ длиннѣе вашей. Теперь я долженъ идти домой, иначе моя хозяйка обратитъ вниманіе.

Онъ вышелъ черезъ парадную дверь, оглянулся во всѣ стороны, чтобы убѣдиться, что его никто не видитъ, юркнулъ во дворъ и затѣмъ храбро запагалъ по улицѣ съ своей „Энциклопедіей“ подъ мышкой.

Я сварила себѣ чашку кофе и затѣмъ принялась за дѣло. До самаго полудня я читала старыя письма. Я нашла ихъ цѣлыя пачки въ чемоданахъ на чердакѣ; множество ихъ было также въ письменномъ столѣ отца. Изъ нихъ я нѣкоторыя отложила, чтобы показать мистеру Диксу. Въ одномъ изъ нихъ дѣло идетъ объ эпизодѣ изъ ранней молодости отца,—эпизодѣ, который, должно быть, уже давно пересталъ его интересовать. Это письмо было спрятано по его любимому способу: прикрѣплено къ нижней поверхности ящика. Оно написано Маріей Вудсъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, за два года до женитьбы отца, и содержитъ въ себѣ отказъ на его предложеніе. Написано оно вычурнымъ слогомъ тѣхъ временъ и, можетъ статься, заимствовано изъ „Полнаго письмовника“.

Если отецъ столько лѣтъ хранилъ такъ бережно это письмо, то, значитъ, онъ любилъ Марію Вудсъ такъ же сильно, какъ я люблю Генри. Мнѣ всегда казалось, что отецъ любилъ свою жену. Во всякомъ случаѣ онъ былъ къ ней не менѣе внимателенъ, чѣмъ большинство мужей къ своимъ женамъ, хотя я

часто спрашивала себя, неужели мы съ Генри могли бы когда-нибудь до такой степени привыкнуть другъ къ другу.

Марія Вудсъ, вѣроятно, была въ молодости хороша, какъ ангелъ. Моя мать не была хороша собой; она была слишкомъ толста и неуклюжа, и многіе, я думаю, считали ее недалекой и размазней. Но она была добрая женщина и всегда старалась исполнять свой долгъ.

Вторникъ. — Сегодня вечеромъ я въ первый разъ получила возможность исполнить второе приказаніе мистера Дикса. Чтобы сравнить приблизительную длину рукъ моихъ односельчанъ, я сочла самымъ удобнымъ пойти на общую молитву. Не могла же я ходить по деревнѣ съ тесьмой и просить, чтобы люди протягивали мнѣ свои руки. Никто не знаетъ, какъ я боялась идти на молитву, но я все-таки пошла и смотрѣла не на враждебныя лица сосѣдей, а на ихъ руки.

Я нашла то, чего хотѣлъ отъ меня Диксъ, но мое открытіе не можетъ ни къ чему послужить, и онъ легко могъ сдѣлать его безъ моей помощи. Дѣло въ томъ, что у Фебы Доль рука на цѣлыхъ семь дюймовъ длиннѣе моей. Раньше я никогда не замѣчала этого, но теперь оказывается, что у нея почти ненормально длинная рука. Но можно-ли думать, что Феба Доль отворяла дверь?

Сегодня она читала проповѣдь, — замѣчательную проповѣдь. Даже я почерпнула въ ней нѣкоторое утѣшеніе. Феба Доль говорила о всеблагости Господа, которая никогда не покидаетъ насъ во всѣхъ превратностяхъ жизни.

Когда мы стали расходиться, я услышала, что нѣкоторые заговорили о мистерѣ Диксѣ и его „Библейской Энциклопедіи“. Они рѣшили, что онъ студентъ богословскаго факультета и собираетъ подписчиковъ, чтобы получить средства для своего образованія.

Маріи Вудсъ не было на молитвѣ. Нѣкоторые спрашивали Фебу, какъ здоровье Маріи, и та отвѣчала: — „Не совсѣмъ хорошо“.

Уже очень поздно. Я думала, что Диксъ зайдетъ сегодня вечеромъ, но его не было.

Среда. — Я просто сама не могу повѣрить тому, что намѣрена сегодня записать. Всѣ наши изслѣдованія указываютъ на одно лицо, и это лицо... Просто невѣроятно! Я не хочу вѣрить этому. Мистеръ Диксъ пришелъ сегодня, какъ и въ прошлый разъ, на разсвѣтъ. Онъ сообщилъ мнѣ свои наблюденія, а я изложила ему свои. Я показала ему письмо Маріи

Вудсъ. Онъ мнѣ сообщилъ, что ѣздилъ въ Эктонъ и разыскалъ ювелира, который вырѣзалъ второе число на кольцѣ недѣль шесть тому назадъ.

— Я не хочу обидѣть васъ, но вашъ отецъ собирался жениться вторично,—сказалъ мистеръ Диксъ.

— Не можетъ быть. Со времени смерти матери онъ не обращалъ вниманія ни на одну женщину,—возразила я.

— А все-таки онъ собирался жениться вторично,—настаивалъ мистеръ Диксъ.

— На комъ?

Онъ указалъ на письмо, которое я держала въ рукахъ.

— На Маріи Вудсъ?

Онъ кивнулъ головой.

Я молчала, въ ошоломленіи глядя на него. Такая возможность никогда не приходила мнѣ въ голову.

Онъ вытащилъ изъ кармана конвертъ и вынулъ изъ него маленькую карточку, на которой были старательно навиты голубыя и коричневыя нитки.

— Покажите мнѣ тѣ нитки, которыя вы нашли,—сказалъ онъ.

Я принесла картонный ящикъ и мы начали сравнивать. У мистера Дикса было много кусочковъ голубого шелка и коричневой шерсти и они вполне подходили къ моимъ ниткамъ.

— Гдѣ вы достали это?—спросила я.

— Въ мѣшкѣ моей хозяйки.

Я вытаращила глаза,

— Что это значить?—пролепетала я.

— Какъ вы думаете?

— Невозможно!

ГЛАВА VI.

Разоблаченіе.

Среда (продолженіе).—Когда мистеръ Диксъ сообщилъ мнѣ свое нелѣпое предположеніе, что преступленіе совершила Феба Доля, мы съ нимъ были на кухнѣ и сидѣли за столомъ. Мистеръ Диксъ положилъ на столъ листокъ бумаги и началъ писать. Этотъ листокъ теперь находится передо мною.

— Во-первыхъ,—началъ мистеръ Диксъ, быстро водя карандашомъ по бумагѣ,—кто имѣетъ такую длинную руку, чтобы, стоя снаружи, отпереть извѣстную дверь?—Феба Доля.

„Во-вторыхъ, у кого въ мѣшкѣ оказались такія же нитки,

какія вы нашли на полу гостиной, въ которой она при васъ ни разу не была?—У Фебы Доль.

„Въ третьихъ, кто самымъ страннымъ образомъ интересовался вашимъ запачканнымъ въ кровь зеленымъ фуляровымъ платьемъ и настоялъ на томъ, чтобы перекрасить его?—Феба Доль.

„Въ четвертыхъ, кто былъ изобличенъ въ томъ, что старался приписать вину невинному человѣку?—Феба Доль.

Мистеръ Диксъ посмотрѣлъ на меня. Я уже нѣсколько овладѣла собою.

— Это ничего не доказываетъ, — сказала я. — У нея не могло быть мотива.

— Былъ и мотивъ.

— Какой?

— Сегодня послѣ полудня вамъ расскажетъ объ этомъ Марія Вудсъ.

Онъ снова принялся писать.

— Въ пятыхъ, кого видѣли прячущимъ какой-то свертокъ въ старый колодезь позади дома Мартина Фербенкса, въ первомъ часу ночи?—Фебу Доль.

— Ее... видѣли?—пролепетала я.

Мистеръ Диксъ кивнулъ головой и опять сталъ писать.

— Въ шестыхъ, у кого много лѣтъ существовалъ сильный мотивъ къ совершенію этого преступленія?—У Фебы Доль.

Мистеръ Диксъ положилъ перо и опять посмотрѣлъ на меня.

— Ну, что вы скажете?—спросилъ онъ.

— Невозможно!

— Почему?

— Она женщина.

— Будь это мужчина, онъ могъ бы выстрѣлить изъ пистолета.

— Но для того оружія, которымъ было совершено убійство, тоже требовалась мужская сила, — сказала я.

— Вовсе нѣтъ. Для такого удара не требуется большой силы.

— Но она—женщина!

— И женщины совершаютъ преступленія.

— Но она хорошая женщина, набожная. Я слышала вчера ея проповѣдь. Это не въ ея характерѣ.

— Ни вы, ни я, ни кто-либо другой изъ смертныхъ не можетъ судить, что въ характерѣ человѣка, и что нѣтъ,—отвѣтилъ мистеръ Диксъ.

Онъ всталъ и ушелъ. Я могла только молча смотрѣть ему вслѣдъ. Я находилась точно въ оцѣпенѣніи.

Послѣ полудня ко мнѣ пришла Марія Вудсъ, воспользовавшись отсутствіемъ Фебы Доль, которая ушла къ одной изъ своихъ заказчицъ. За эти нѣсколько недѣль Марія постарѣла на десять лѣтъ. Ея волосы совершенно посѣдѣли, щеки ввалились, красивый цвѣтъ лица исчезъ.

— Можно мнѣ взять кольцо, которое онъ далъ мнѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ?—пролепетала она.

Я отдала ей кольцо; она поцѣловала его и зарыдала, какъ ребенокъ.

— Феба прежде отняла его у меня, — сказала она, — но теперь это ей не удастся.

Жалобно всхлипывая, Марія рассказала мнѣ исторію своего долготѣннаго подчиненія Фебѣ Доль. Эта мягкая, слабая, какъ ребенокъ, женщина всегда была въ полномъ рабствѣ у своей подруги, отличавшейся сильнымъ характеромъ. Это подчиненіе возникло раньше, нежели отецъ сдѣлалъ Маріи предложеніе и она общалась Фебѣ, что никогда не выйдетъ замужъ; впоследствии, сославшись на это торжественное общаніе, Феба и убѣдила ее написать моему отцу письмо съ отказомъ и отослать назадъ кольцо.

— И все-таки онъ женился бы на мнѣ, если бы не умеръ, — сказала она.—Онъ собирался возвратить мнѣ это кольцо и вырѣзалъ на немъ другое число. Я бы еще могла быть счастливой!

Она умолкла и тревожно посмотрѣла на меня.

— Что такое дѣлала Феба Доль въ вашемъ дворѣ въ ту ночь, когда произошло убійство?—воскликнула она.

— Что вы хотите сказать?—спросила я.

— Я видѣла, какъ она вышла изъ задней двери вашего дома. Въ рукахъ у нея былъ свертокъ. Она пошла по тропинкѣ до стараго колодца, затѣмъ нагнулась надъ нимъ и что-то дѣлала тамъ. Когда она поднялась, у нея уже не было свертка. Я слѣдила за нею изъ нашихъ заднихъ дверей. Незадолго передъ тѣмъ мнѣ послышалось, что она вышла изъ дома. Я сошла внизъ и увидѣла все это. Затѣмъ она побѣжала домой, а я бросилась стремглавъ наверхъ и легла въ постель. Скоро затѣмъ я услышала, что она вернулась и стала возиться около помпы. Потомъ она пошла къ себѣ въ спальню; она спитъ въ нижнемъ этажѣ. Что она дѣлала у васъ во дворѣ?

— Спросите ее, — сказала я, чувствуя, что у меня кровь холодѣетъ въ жилахъ.

— Я боюсь, — простонала Марія. — Въ послѣднее время она какая-то странная. Я была бы рада, если бы этотъ книжный агентъ подольше остался у насъ въ домѣ.

Приблизительно черезъ часъ Марія Вудсъ ушла домой. Я дала ей ленточку, и она повѣсила кольцо отца на своей увядшей груди. До сихъ поръ я не могу повѣрить всему этому.

Четвергъ. — Все кончено: Феба Доль созналась. Я не знаю, какимъ способомъ мистеръ Диксъ достигъ этого, какъ онъ обвинилъ ее въ убійствѣ. Послѣ завтрака я увидѣла, что они идутъ черезъ поле; Феба шла впереди, быстрыми, чисто мужскими шагами, мистеръ Диксъ слѣдовалъ за нею, а старая возлюбленная моего отца сѣменила за ними, держа около глазъ платокъ. Въ ту же минуту раздался звонокъ у парадныхъ дверей. Я отворила и увидѣла передъ собою нѣсколько человѣкъ, съ шерифомъ во главѣ. Они столпились въ гостиной, а черезъ секунду туда же стремительно влетѣла Феба Доль, въ сопровожденіи мистера Дикса и Маріи Вудсъ.

— Это я сдѣлала! — крикнула Феба, обращаясь ко мнѣ. — Меня изобличили, и я рѣшила сознаться. Она хотѣла выйти замужъ за вашего отца, я узнала объ этомъ. Уже разъ я помѣшала этому. Теперь я знала, что не могу помѣшать, если не убью его. Она жила со мною въ одномъ домѣ болѣе сорока лѣтъ. Существуютъ и другія связи, столь же крѣпкія, какъ бракъ, и столь же священныя. Какое право онъ имѣлъ отнимать ее у меня и разрушать мой домъ?

„Я подслушала, какъ вашъ отецъ и Руфусъ Беннеттъ ссорились между собою. Я подумала, что подозрѣніе упадетъ на него. Я все обдумала. Я выслѣдила, какъ ваша кошка проходила черезъ свое оконце; я знала, что съ этой стороны дверь запирается только на крючекъ; я знала, какую длину имѣетъ моя рука; я видѣла, что съумѣю отпереть дверь. Я прокрадлась сюда немного позже полуночи. Я обошла весь домъ, чтобы убѣдиться, что всѣ спятъ. Подошедши къ параднымъ дверямъ, я вспомнила о своихъ ножницахъ, которыя висѣли у меня на поясѣ на желтой лентѣ, и отвязала ихъ. Мнѣ казалось, что я спрятала ленту въ карманъ, но, какъ видно, я ее уронила, потому что впослѣдствіи ее нашли и подумали, что ее потерялъ вашъ женихъ.

„Затѣмъ я вернулась къ задней двери, открыла ее и прокралась въ домъ. Въ комнатѣ было достаточно свѣтло, благодаря лунѣ. Я вынула изъ кухоннаго шкафа передникъ вашего отца; я знала, гдѣ онъ находился. Пройдя въ гостиную, я

сняла свое платье и юбки и надѣла передникъ. Я закутала свое лицо платкомъ, оставивъ свободными только глаза. Затѣмъ я сняла башмаки и вошла въ спальную.

„Вашъ отецъ уже почти спалъ; ночь была душная, его одѣяло было отброшено, и грудь открыта. Первое, что я увидѣла, былъ пистолетъ, лежавшій на столикѣ подлѣ кровати. Должно быть, вашъ отецъ все таки боялся, что Руфусъ Беннеттъ вернется назадъ. Тутъ мнѣ пришла въ голову мысль, что лучше всего будетъ застрѣлить его. Это было быстрѣе и вѣрнѣе; если бы звукъ выстрѣла разбудилъ васъ, я бы успѣла скрыться, и всѣ бы подумали, что онъ самъ застрѣлился.

„Я взяла пистолетъ и поднесла къ его головѣ. Мнѣ никогда не приходилось стрѣлять изъ пистолета, но я знала, какъ это дѣлается. Я придавила курокъ, но пистолетъ не дѣйствовалъ. Вашъ отецъ пошевелился... у меня въ головѣ помутилось отъ страха, и я ударила его по головѣ пистолетомъ. Онъ открылъ глаза и закричалъ; тогда я бросила пистолетъ и схватила это,—Феба Доли показала на большія блестящія ножницы, висѣвшія у нея на поясѣ.—У меня очень сильныя руки, и я вонзила ножницы два раза, прямо въ сердце.

„Послѣ этого я вернулась въ гостиную. Мнѣ послышался въ кухнѣ шумъ, я испугалась и запряталась въ кладовую. Я почувствовала, что силы меня покидаютъ, и ухватилась за полку, чтобы не упасть.

„Затѣмъ я рѣшила взойти наверхъ и посмотреть, спите-ли вы, или проснулись, при крикѣ вашего отца. Въ этомъ случаѣ я бы покончила и съ вами. Я поднялась наверхъ и подошла къ вашей комнатѣ. Вы спали крѣпко, но когда я стала слѣдить за вами, вы слегка пошевелились. Вмѣсто того, чтобы и васъ заколотъ ножницами, какъ я предполагала раньше, я юркнула въ вашъ стѣнной шкафъ. Вы лежали совершенно неподвижно. Я почувствовала, что замочила себя въ крови. Я схватила какую-то одежду, висѣвшую у васъ въ шкафу, и вытерлась. Ощупью я узнала, что это было ваше зеленое фулярное платье. Вы не двигались, я убѣдилась, что вы спите, вылѣзла изъ шкафа, сошла по лѣстницѣ, достала свои башмаки и платье и уже въ сѣняхъ сняла передникъ и одѣлась. Я свернула передникъ, отодвинула доску, которою былъ прикрытъ вашъ старый колодезь, и бросила туда передникъ. Мнѣ казалось, что если его и найдутъ, то онъ не будетъ служить уликой противъ меня. Платокъ, которымъ я закутала свое лицо, былъ не очень запачканъ. Я въ ту же ночь положила его въ

щелокъ и на другой день утромъ, прежде чѣмъ Марія встала, выстирала его. Въ ту же ночь я старательно вымыла свои руки, а также ножницы.

„Я ожидала, что Руфусъ Беннеттъ будетъ обвиненъ въ убійствѣ и, можетъ быть, повѣшенъ. Мнѣ очень не хотѣлось, чтобы на васъ упало подозрѣніе вслѣдствіе кровавыхъ пятенъ на вашемъ платьѣ. Я ничего не имѣла противъ васъ. Я рѣшила завладѣть вашимъ платьемъ, прежде чѣмъ васъ заподозрять, и перекрасить его въ черный цвѣтъ. Какъ вы знаете, я была у васъ и забрала это платье. Я была очень удивлена, найдя его почти совершенно чистымъ. На немъ оставалось всего лишь два или три маленькихъ пятнышка, которыхъ, вѣроятно, никто бы и не замѣтилъ. Я не знала, что думать. Конечно, я догадывалась, что вы нашли пятна и поспѣшили вымыть ихъ, во избѣжаніе всякихъ подозрѣній.

„Во всякомъ случаѣ я не думала, чтобы вы могли заподозрить меня. Я была очень рада, когда вашего жениха освободили. Я ничего не имѣла противъ него. Вотъ все, что я могу рассказать“.

Послѣ этого я чуть не упала въ обморокъ. Я не могу описать того ужасающаго спокойствія, съ которымъ эта женщина рассказала всю исторію,—эта женщина, у которой было такое доброе лицо и которая на-дняхъ читала проповѣдь, какъ святая. Теперь я готова повѣрить въ бѣсовское навожденіе.

Когда я пришла въ себя, сосѣди столпились вокругъ меня, прикладывали камфору къ моей головѣ, говорили мнѣ слова утѣшенія и смотрѣли на меня прежними дружескими глазами. Но лучше мнѣ было бы позабыть все!

Фебу Доль забрали,—больше я ничего не знаю. У меня нѣтъ силъ говорить объ этомъ, когда я подумаю, что ее будутъ судить, и мнѣ придется присутствовать при этомъ.

Генри былъ у меня сегодня вечеромъ. Я думаю, что мы все-таки будемъ счастливы, когда я нѣсколько оправлюсь послѣ всего этого. Онъ говоритъ, что мнѣ теперь не о чемъ тужить. Мистеръ Диксъ уѣхалъ домой. Надѣюсь, что Генри и я когда-нибудь отблагодаримъ его за то, что онъ для насъ сдѣлалъ!

Черезъ мѣсяцъ.—Я только что узнала, что Феба Доль умерла въ тюрьмѣ. Это моя послѣдняя запись. Да поможетъ Господь всѣмъ невиннымъ женщинамъ въ ихъ нуждѣ, какъ Онъ помогъ мнѣ!